

УДК 342.7

Правозащитная деятельность государства в области прав человека в условиях глобальной стандартизации прав человека

Чуксина Валентина Валерьевна

Доктор юридических наук,
доцент,
завкафедрой правового обеспечения национальной безопасности,
Байкальский государственный университет,
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Ленина, 11;
e-mail: v-chuksina@yandex.ru

Аннотация

Права человека, став одним из элементов глобализационных процессов, породили реальные и мнимые противоречия между национальными особенностями развития государств и универсализацией права в области прав человека. Международное право в области прав человека вменяет в обязанности правового демократического государства признание, реализацию и защиту прав человека, но не определяет структуру внутригосударственных правозащитных механизмов, совершенствование которых является «вечной» проблемой. Одним из позитивных моментов глобализации в области защиты прав человека стало учреждение национальных институтов по содействию правам человека и их защите. Данные институты позволяют компартментно соединить правовой (национальный и международный) аспект с историко-культурными особенностями развития и национальными интересами государств. Таким образом, назрела актуальная необходимость перестроить правозащитную деятельность российского государства (юридическое обеспечение конституционных норм и гарантий прав человека, имплементация, аккультурация международных стандартов прав человека на основе правозащитного подхода к правам человека и законодательного закрепления понятия «защита прав человека» в широком смысле).

Для цитирования в научных исследованиях

Чуксина В.В. Правозащитная деятельность государства в области прав человека в условиях глобальной стандартизации прав человека // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. С. 17-24.

Ключевые слова

Права человека, правозащитная деятельность, государство, глобализация, правозащитный подход.

Введение

Права человека в широком конституционно-правовом смысле являются конституирующим элементом юридической доктрины современного государства. Сегодня нет таких стран, которые бы проводили целенаправленную государственную политику дискриминации и нарушения прав и свобод человека и гражданина. Однако нет и такой страны, где бы в большей или меньшей степени не нарушались права человека.

После принятия Устава ООН, других международных документов по правам человека, перестройки мировой системы начался принципиально новый этап в развитии международного сотрудничества государств в сфере прав человека. Сложившаяся международно-правовая система прав человека, устанавливающая нормы отношений между государством и человеком, вменяет признание, реализацию и защиту неотъемлемых прав человека в обязанность правового демократического государства «даже в тех случаях, когда нарушения имели место за пределами национальной территории, но связаны фактической реализацией государством суверенных прав вне своих территориальных пределов» [Нарутто, 2012, 1231].

Но именно в этой сфере возникают «парадоксы демократии»: чем более демократичнее государство, тем больше у него механизмов (в первую очередь государственных) для защиты и обеспечения прав человека; чем более граждане осведомлены о своих правах, тем больше жалоб на их нарушения поступает в различные инстанции (включая конституционные суды, Европейский Суд по правам человека и др.). Именно поэтому проблему совершенствования государственных правозащитных механизмов можно отнести к разряду «вечных».

Правозащитная деятельность государства в области прав человека в условиях глобализации

Начиная с конца XX в. проблема совершенствования правозащитных систем во всех государствах мира становится глобальной. Права человека, с одной стороны, стали неотъемлемым элементом глобализационных процессов. С другой стороны, они же и «породили» многообразные противоречия: между конституционным плюрализмом, представлениями о демократии и спецификой ее реализации в разных странах, а также между историко-культурными ценностями государств и универсализацией права в области прав человека. В частности, например, «признанный борец» за права человека «Хьюман Райтс Вотч», штаб-квартира которой, как известно, находится в США, почему-то дает рекомендации Правительству РФ отменить «дискриминационный» закон о запрете гей-пропаганды среди детей (Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей»), но при этом почему-то не настаивает на срочной декриминализации гомосексуальности в дружественных США странах.

Безусловно, правозащитная стратегия, как и любая другая, должна реализовываться с учетом объективных факторов, а не опираться на приговоры, поставленные заочно [Попова, Протасевич, Смирнова, 2017, 42]. В условиях перестройки мирового порядка стало более чем очевидно, что под актуальным и красивым лозунгом «защиты прав человека» реальностью стало проведение так называемых «гуманитарных интервенций» (свежий пример – бомбардировка Сирии) и даже уничтожение суверенных государств, внесенных коллективным

Западом во главе с США в список «неудобных», не соответствующих представлениям о демократии в англосаксонском варианте. На практике новой западной «нормой» становится нарушение норм международного права, а «в условиях беспрерывно ведущихся информационных войн, ставших характерной чертой современного мира» [Суходолов, Рачков, 2016, 11], права человека для них становятся разменной монетой для решения национальных проблем и геополитических задач.

Не вдаваясь в анализ негативных последствий глобализации прав человека по западному варианту, отметим один из позитивных моментов данного процесса. Это касается создания новых внесудебных государственных институтов, которые специализируются на содействии правам человека и их защите. Ряд международных договоров прямо рекомендует странам-участницам изучить возможность учреждения таких независимых специализированных институтов либо предписывает учредить и в дальнейшем укреплять национальные механизмы для поощрения, защиты прав определенной группы лиц [Несмеянова, Калинина, 2017, 9].

При этом следует помнить, что еще до современных механизмов, направленных на защиту прав личности и регулирование отношений между государством и гражданами, в истории правового развития человечества важную роль играли «вспомогательные» структуры, учреждаемые в разное время в различных по уровню политико-правового и социально-экономического развития странах, но тем не менее имеющие некоторые общие черты.

Одним из первых исследователей проблемы существующих сходств «правозащитных» учреждений у разных народностей можно считать Э. Фримана, который указал на то, что причины этого могут быть сведены к следующим: передача одним народом другому одного или целой совокупности учреждений; действие одинаковых причин, вызвавших и тождественные результаты; происхождение от одного общего корня [Фриман, 1880, 25]. На наш взгляд, вторая причина имеет особенно важное значение, так как позволяет понять, почему многие прототипы современных механизмов ограничения населения от злоупотреблений должностных лиц и расширения защиты прав человека, происхождение которых традиционно связывают с ценностями западной демократии, на самом деле имеют глубокие исторические корни.

Во многих странах задолго до формирования понятия «прав человека» и глобализации защиты прав человека, наряду с судом, появились внесудебные структуры – посредники по защите человека от злоупотреблений, несправедливости или неумелого управления должностных лиц (в Китае в эпоху династии Цинь, Янь и Хань; в Корее во время правления династии Чосон; в древней Греции – Эвтиной в Афинах; в Римской империи – Гражданский Защитник; арабский Мохтасиб, корни которого берут еще со времен Пророка Мухаммада; во многих мусульманских государствах – институт эхтисоба и др.), получившие дальнейшее развитие в рамках шведского парламентаризма как института рассмотрения жалоб – Омбудсмена. Русскую Правду, Уставные грамоты наместничьего управления, Судебники и т. д. также можно рассматривать как попытки законодательного определения правомерных границ деятельности власти (кормленщиков, наместников и волостелей, воевод и др.) на Руси [Загоскин, 2004, 44]. Можно привести и другие исторические примеры, но только с 1990-х гг. есть основания говорить об общемировой тенденции укрепления и развития внутригосударственных правозащитных систем посредством учреждения государственных субсидиарных органов по правам человека и их защите, ставших одними из элементов международной стандартизации прав человека на внутригосударственном уровне.

Понятно, что общие международные требования к правовым обязанностям современных демократических государств защищать права человека не определяют многообразие форм организации и функционирования внутригосударственных механизмов защиты прав человека.

Последние детерминируются национальными особенностями (включая религиозные традиции), а также правовыми и административными системами отдельных стран. Однако именно сегодня вместе с усилением законодательной, реформированием судебной и административной защиты происходит становление новых, а также модернизация функционирующих внесудебных органов, специализирующихся на защите прав человека [Смирнова и др., 2014, 299]. Наряду с современными парламентскими омбудсменами, сфера компетенции которых имеет общемировую тенденцию к расширению, учреждаются уполномоченные по правам человека, национальные комиссии и центры по правам человека и др. Хотя при этом появляются даже такие «экзотические» институты, как «пивной омбудсмен». Причем чем меньше у страны опыт демократического развития, тем большими полномочиями наделены такие органы. Например, в Индии Локпал и Локаюктасы (федеральный и региональные омбудсмены) могут не только наказывать «провинившегося» чиновника большим штрафом, но и приговорить к реальному тюремному сроку.

Данные субсидиарные институты, называемые в системе ООН национальными институтами по содействию правам человека и их защите, стали самой важной новеллой XX в. в конституциональном плане, неотъемлемым структурным элементом правозащитного подхода к правам человека, компартментно соединяющим правовой (с учетом факторов глобализации) аспект с историко-культурными особенностями развития и национальными интересами государств.

Общеизвестно, что государство является одним из главных субъектов национальной системы защиты прав человека (с учетом международных требований), постольку основные вызовы глобализации адресованы в первую очередь государству. В современном мире практически нет моноэтнических государств, а интенсификация миграционных процессов еще более усиливает полиэтнический и поликонфессиональный состав современных (особенно западных) обществ. В связи с этим, говоря о национальной системе защиты прав человека, мы опираемся на понятие «государство-нация», которое реально представляет уже новый этнокультурный и конфессиональный синтез, и где уже национальная или конфессиональная принадлежность выступает в качестве личного выбора. Поэтому не случайно в международном праве, в конституционном праве англо- и романоязычных стран, а также в большей части русской юридической терминологии нация становится синонимом государства.

С политико-правовой позиции глобализация наглядно проявляется через взаимосвязь национальных и международной правовых систем, а также посредством стандартизации правовых принципов и норм по правам человека. В частности, это касается обязанностей всех государств защищать права человека, независимо от их уровня политического и экономического развития. Этот императив прямо закреплен в ст.ст. 55, 56 Устава ООН, во Всеобщей декларации прав человека и других международных документах. Хотя, конечно, «различия религиозных, нравственных, философских, правовых ценностей определяют неоднозначную интерпретацию прав человека, различную степень их усвоения отдельными культурами» [Лукашева, 2007, 120].

Права человека «как высшая конституционная ценность составляют ядро ценностного осознания человека, его прав как главной цели существования демократического государства и общества» [Комкова, 2012, 98]. В Российской Федерации «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина» выступает как триединая конституционная обязанность государства. Поэтому, согласно ст.ст. 17, 18 Конституции Российской Федерации, создание необходимых условий (гарантий) для обеспечения и защиты общепризнанных стандартов прав человека есть функционально-целевое выполнение обязанностей государства в контексте прав человека.

Государство есть своего рода связующее звено целого (общества) и его частей (человека, социальных групп). Оно выражает публичные интересы, и при таком подходе права человека позиционируются не в качестве требований к государству, а в качестве личной ответственности и обязанности граждан за интеграцию целого, т. е. общества, необходимости корреляции индивидуального с коллективным.

Сегодня общепризнано, что только право, опирающееся на принцип формального равенства, дает возможность устанавливать равные меры ограничений для субъектов правоотношений, играя системообразующую роль в процессе регулирования отношений между человеком и государством. Поэтому только правовое государство в состоянии обеспечить тождество ценностей прав человека и государственного управления. Хотя в реальности в одном государстве существуют цивилизационные различия между представлениями о правах человека и универсальными стандартами по правам человека. Так, например, в вопросе о моделях взаимоотношений общества, государства и отдельного человека могут одновременно сосуществовать как патерналистские представления, так и идеи личной ответственности, индивидуальной свободы.

Конечно, национальная специфика государственно-правового регулирования отношений между государством и человеком детерминирована многими факторами (политическим режимом, историко-культурными традициями, уровнем развития экономики и др.). Но даже самое демократическое государство, по мнению К. Штерна, которое гарантирует и защищает права человека, олицетворяет «противостояние именно этого государства основным правам».

Такая противоречивая ситуация с правами человека объясняется природой самой власти, так как власть всегда стремится к постоянному укреплению, иначе она будет терять свою политическую и социальную силу. Поэтому права человека из возможности превращаются в реальность при условии, когда политический режим, по мнению А.А. Алексеева, не превышает социально оправданный порог «потребности во власти» [Алексеев, 2002, 152], а также при наличии «системы сдержек и противовесов» и эффективных правозащитных механизмов. Но, главное, реализуя правозащитный подход, государство, олицетворяя конституционное правотворчество и правоприменение, должно руководствоваться принципом верховенства права.

Заключение

Таким образом, исходя из принципа верховенства права, государственную правозащитную деятельность в контексте прав человека можно рассматривать как в широком, так и в узком смысле. Всеобщая декларация прав человека (ст. 7, ст. 12, ч. 3 ст. 16, ч. 1 ст. 23 и др.), заложившая основы международной стандартизации прав человека, государственную защиту прав человека в широком смысле идентифицирует с английским понятием «protection». Другими словами, когда речь идет о субъектах прав, имеется в виду их защита, а по отношению к объектам данное понятие интерпретируется уже как охрана. Защита прав человека как восстановление нарушенных прав (законных интересов) обозначается термином «defence» – оборона, защита, в том числе защита в суде. Необходимо отметить, что в международных документах защитниками (defender), как правило, называют государственных правозащитников (классических омбудсменов), адвокатов, различных представителей гражданского общества. В полномочия национальных институтов по содействию правам человека и их защите (national human rights institutions for the promotion and protection of human rights) входит защита в широком смысле.

В рамках концепта защиты прав человека в широком смысле государственные институты обязаны активизировать правотворческую и правоприменительную деятельность по предотвращению нарушений прав человека и расширению сферы позитивной свободы человека. Ведь недаром профессор Г.А. Гаджиев подчеркивает, что есть «смысл и практическая польза в признании родового понятия публично-правовой ответственности» (включающего конституционно-правовую ответственность).

В рамках широкого подхода к защите прав человека правозащитная функция государства выражается в юридическом обеспечении конституционных норм и гарантий прав человека, в имплементации, аккультурации и дальнейшем развитии международных стандартов прав человека. В этом смысле правозащитная деятельность государства выступает как законодательная и правоприменительная практика государства в сфере прав человека, отражающая особенности национальных историко-культурных традиций, качество государственного управления и уровень социально-экономического развития страны, обеспечивающая выполнение конституционных норм и соответствие мировым стандартам по правам человека.

Контрольные и мониторинговые механизмы, представленные различными структурами (судами, институтами по рассмотрению обращений граждан, правоохранительными органами и др.), а также процедуры, определяющие порядок и методы их работы, базирующиеся на нормах национального и международного права по правам человека, отражают правозащитную функцию государства в области прав человека, понимаемую в узком смысле.

Очевидно, что принцип субсидиарности связывает понятия защиты прав человека в узком и широком смыслах. На наш взгляд, правозащитный подход является концептуальным базисом развития человеческого капитала, в нормативном смысле основанного на конституционных принципах обеспечения прав человека в национальных законодательных системах и международных принципах и нормах по правам человека, в оперативном смысле направленного на содействие правам человека и их защиту. В свою очередь, правозащитные принципы (универсальность, неотъемлемость, неделимость, равенство, верховенство закона и др.), являющиеся результатом глобализации прав человека, составляющие фундамент правозащитного подхода, детерминируют деятельность внутригосударственных (судебных и внесудебных) механизмов защиты прав человека. В связи с этим представляется, что реализация в полном объеме обязанностей российского государства в сфере прав человека актуализирует отказ от узкой интерпретации юридических понятий «защита» и «охрана» и закрепления на законодательном уровне понятия «защита» в концептуально широком смысле, детерминируя оптимальный вариант соединения обязанностей государства и прав человека посредством консервативно-правовой модернизации на основе правозащитного подхода в условиях глобальной стандартизации прав человека.

Библиография

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2002. 608 с.
2. Гаджиев Г.А. Конституционные основы юридической ответственности и конституционно-правовая ответственность // Журнал российского права. 2014. № 1 (205). С. 7-15.
3. Государственное право Германии. М., 1994. Т. 2. 320 с.
4. Загоскин Н.П. История права Московского государства. Казань: Издательство Казанского университета, 2004. 344 с.
5. Комкова Г.Н. Категория «ценность» в конституционном праве России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12. № 2. С. 97-99.

6. Лукашева Е.А. Права человека в контексте конфликта культур // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 2. С. 115-120.
7. Нарутто С.В. Территориальные аспекты государственного суверенитета // Lex Russica. 2012. Т. LXXI. № 6. С. 1225-1231.
8. Несмеянова С.Э., Калинина Е.Г. Концепция уязвимости отдельных групп лиц: международный и национальный опыт // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4 (100). С. 7-12.
9. Попова И.П., Протасевич А.А., Смирнова И.Г. Приговор, постановленный заочно // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2 (16). С. 42-52.
10. Смирнова И.Г. и др. Механизм защиты прав человека посредством реализации органами государственной власти контрольных полномочий: сравнительно-правовой анализ России и Германии. М.: Юрист, 2014. 416 с.
11. Суходолов А.П., Рачков М.П. К созданию теории средств массовой информации: постановка задачи // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 1. С. 6-13.
12. Фриман Э. Сравнительная политика. СПб., 1880. 529 с.

Human rights activities of the state in the field of human rights in the context of global standardisation of human rights

Valentina V. Chuksina

Doctor of Law, Docent,
Head of the Department of legal ensuring of national security,
Baikal State University,
664003, 11 Lenina st., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: v-chuksina@yandex.ru

Abstract

The article deals with human rights that, becoming one of the elements of globalisation, have generated real and perceived contradictions between the national states' development and the universalisation of law in the field of human rights. International human rights law imposes the recognition, enjoyment and protection of human rights on the legal democratic state, but it does not define the structure of domestic human rights mechanisms, the improvement of which is a "perpetual" problem. One of the positive aspects of globalisation in the field of human rights protection consists in the fact that a number of national institutions were established with a view to the promotion and protection of human rights. These institutions make it possible to combine the legal (national and international) aspect with the historical and cultural peculiarities of the development and the national interests of states. Thus, there is an urgent need to rebuild the human rights activities in the Russian Federation (legal support for constitutional norms and guarantees of human rights, the implementation and acculturation of international human rights standards on the basis of a human rights approach to human rights and legislative consolidation of the concept of the protection of human rights in the broad sense).

For citation

Chuksina V.V. (2018) Pravo-zashchitnaya deyatel'nost' gosudarstva v oblasti prav cheloveka v usloviyakh global'noi standartizatsii prav cheloveka [Human rights activities of the state in the field of human rights in the context of global standardisation of human rights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 17-24.

Keywords

Human rights, human rights activities, state, globalisation, human rights approach.

References

1. Alekseev S.S. (2002) *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* [The ascent to law. Searches and solutions]. Moscow: Norma Publ.
2. Freeman E. (1873) *Comparative politics*. London. (Russ. ed.: Freeman E. (1880) *Sravnitel'naya politika*. St. Petersburg.)
3. Gadzhiev G.A. (2014) Konstitutsionnye osnovy yuridicheskoi otvetstvennosti i konstitutsionno-pravovaya otvetstvennost' [Constitutional bases of legal responsibility and constitutional-legal responsibility]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 1 (205), pp. 7-15.
4. *Gosudarstvennoe pravo Germanii* [German state law] (1994), Vol. 2. Moscow.
5. Komkova G.N. (2012) Kategoriya "tsennost'" v konstitutsionnom prave Rossii [The category "value" in the constitutional law of Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Bulletin of Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law], 12 (2), pp. 97-99.
6. Lukasheva E.A. (2007) Prava cheloveka v kontekste konflikta kul'tur [Human rights in the context of cultural conflict]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 77 (2), pp. 115-120.
7. Narutto S.V. (2012) Territorial'nye aspekty gosudarstvennogo suvereniteta [Territorial aspects of state sovereignty]. *Lex Russica*, 71 (6), pp. 1225-1231.
8. Nesmeyanova S.E., Kalinina E.G. (2017) Kontseptsiya uyazvimosti otdel'nykh grupp lits: mezhdunarodnyi i natsional'nyi opyt [The concept of vulnerability of certain groups of people: international and national experience]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* [Russian law: education, practice, science], 4 (100), pp. 7-12.
9. Popova I.P., Protasevich A.A., Smirnova I.G. (2017) Prigovor, postanovlennyy zaochno [Sentences imposed in absentia]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian criminal procedural and forensic readings], 2 (16), pp. 42-52.
10. Smirnova I.G. et al. (2014) *Mekhanizm zashchity prav cheloveka posredstvom realizatsii organami gosudarstvennoi vlasti kontrol'nykh polnomochii: sravnitel'no-pravovoi analiz Rossii i Germanii* [The mechanism of human rights protection through the implementation of control powers by public authorities: a comparative legal analysis of Russia and Germany]. Moscow: Yurist Publ.
11. Sukhodolov A.P., Rachkov M.P. (2016) K sozdaniyu teorii sredstv massovoi informatsii: postanovka zadachi [On creating the theory of mass media: a problem statement]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Theoretical and practical issues of journalism], 5 (1), pp. 6-13.
12. Zagoskin N.P. (2004) *Istoriya prava Moskovskogo gosudarstva* [A history of the law of the Moscow state]. Kazan: Kazan University.